

Линия фронта сместилась к боевым территориям; признаки бойни уже настигли основную базу ударной группы, располагающуюся между боевыми и сельскохозяйственными территориями.

Близлежащий город оповестили об эвакуации, поскольку его могло затянуть в предстоящее сражение. Вместе с тем общественные учреждения, вроде школ, дома культуры и театры, открыли свои двери для эвакуировавшихся Вульфсринов.

Это коснулось и здания школы и общежития для специальных офицеров, отданного в распоряжение Райдена и других «восемьдесят шесть».

— А это точно нормально?..

Если город находился в такой опасности, что происходила эвакуация жителей глубже в страну, почему тогда Вульфсрины укрывались здесь?

— Ну, такая вот у нас жизнь.

Райден повернулся к сказавшему это Бэрнольту.

— Опять про зверолодей скажешь?.. — фыркнул Райден.

Народ, живущий на поле боя. Их жизнь проходит на войне, а мирные граждане их презирают.

— А, не, я не о том... Просто они выступают в роли резерва на тот случай, если дела пойдут плохо, — сказал Бэрнольт. На вернувшийся вопросительный взгляд Райдена он пожал плечами: — Вульфсрины — считай, потомство зверолодей. Защита границ является нашей целью от рождения. Как только распакуют багаж и обживутся, приступят к самостоятельным тренировкам. Женщины и дети, даже старики и старухи на пенсии.

Когда линии фронта сдвигаются назад, а солдаты погибают, они добровольно выступают вперед и заполняют пустоту.

Глянув на город неподалеку холодным взглядом золотых глаз, Бэрнольт продолжил:

— Сюда придут люди из нашей деревни или родословной. Скорее всего, к тому времени, как понадобятся, они уже будут хорошо подготовлены, поэтому позже представлю их вам с капитаном. Предположу, что совсем скоро вам предстоит работать вместе.

□

Прошло три дня с бомбардировки спутниками каждого фронта человечества. И как всеми

ожидалось, ударной группе наконец-то поступил приказ о развертывании.

Лена и Шин сидели друг напротив друга за офисным столом. Выражения их лиц напряглись, поскольку при виде содержания миссии ни у кого не получилось скрыть эмоции. Они находились в кабинете Лены на базе, и у каждого уже была вся необходимая информация: как на руках, так и на голографическом окне, проецируемом поверх стола.

Лена томно застонала, нахмурившись. Она ждала, что их отправят вглубь территорий Легиона с целью уничтожить Ускоритель масс, но...

— Кажется, нам досталась задачка похуже...

— Оказать содействие отступлению экспедиционных сил Союза из Республики... — прочитал Шин описание миссии. — Удерживать четырехсоткилометровый путь к отступлению вдоль бывшей высокоскоростной железной дороги до успешного отступления ударной группы и экспедиционных сил.

Экспедиционные войска Союза были развернуты в Республике с начала операции в Подземном лабиринте Шарите шестимесячной давности. С каждым месяцем их постепенно выводили оттуда, но на территории все еще оставалось приличное количество сил в несколько бригад.

Это более пятидесяти тысяч человек с сотней боевых и транспортных машин, включая Ванаргандов. А с учетом переправляемых снаряжения, топлива и сырья задача равносильна перемещению целого города — причем на большое расстояние в четыреста километров.

«Оказать содействие» в данном случае сказать проще, чем сделать.

— Даже если вспомогательный персонал, военная полиция и часть пехотных войск сядут на поезд, все равно будет трудно. Транспортные средства не могут быстро ездить по грунтовым дорогам, а бронетранспортерам и Ванаргандам понадобятся машины с топливом. Фердресы не созданы для перемещения на четыреста километров без остановок на техобслуживание, так что на преодоление такого расстояния уйдет приличное количество времени. И если еще сражение разгорится...

Ванарганды способны выдавать где-то сто километров в час, но в обмен на высокую скорость при учете пятидесяти тонн боевой массы расход топлива чрезвычайно неэффективен. Их должен сопровождать транспорт с топливом, а значит не выйдет на максимальной скорости как можно быстрее преодолеть четыреста километров. Для медленного транспорта без вооружения нужно было обеспечить защиту.

Ко всему прочему, транспортные грузовики, которым они доверяют перевозку припасов, были еще более хилыми и медленными, из-за чего придется задерживать всю очередь, поскольку фердресы должны идти в ногу. Более того, у экспедиционных сил припасов слишком много для перевозки за один раз, поэтому грузовикам придется совершить несколько рейсов туда и

обратно в медленном темпе.

— Войска еще не отправили нам свой план отступления, но мы пока составим свой, беря в расчет, что они откажутся от низкоприоритетного снаряжения, — сказал Шин. — Точнее, будем ожидать от них только личный состав и транспорт. Без обид, Лена, но мне кажется, самым ценным ресурсом для Союза сейчас являются люди. С этической точки зрения и практической.

— ...Это точно, — согласилась Лена.

Союз считался сверхдержавой с обширными территориями, поэтому подразумевалась возможность добыть и пополнить различные ресурсы. От Ванаргандов, транспорта, бронированных экзоскелетов или вооружения они отказаться не могли, а вот оставить бараки и тому подобное с инвентарем и оборудованием — вполне.

Но погибших не заменишь. Даже если закрыть глаза на нравственный вопрос, на то, чтобы новорожденный достиг репродуктивного возраста, требуются десятки лет, что ставит человеческий род в ряд самых медлительных в этом плане млекопитающих. Союз уже находится в ситуации, когда они вынуждены полагаться на детей-солдат. Выходит, они не могут позволить себе бессмысленные смерти солдат.

— В общем, если нам нужно только оказывать содействие отступлению экспедиционным силам, то будет трудно, но я думаю, мы с этим справимся. Основное войско Легиона застопорилось благодаря армии западного фронта, так что на территориях машин осталось не так много. Южную высокоскоростную железную дорогу мы взяли под свой контроль в прошлогодней операции по уничтожению Морфо, поэтому у нас на руках есть обновленные карты. При условии, что самые медленные в группе, пехота и транспортные грузовики, смогут добраться до Союза, на Регинлейвах можно быстро сопроводить Ванаргандов, а потом вернуться и подсобить уже им.

«По крайней мере, назойливые Фениксы не появятся», — полушутливым тоном добавил Шин. Он уже несколько раз противостоял этому типу машин: без огнестрельного вооружения они мало на что были способны в открытом поле, где возможно наземное подавление. Легковесный и слабо бронированный, Высокоманевренный тип, может, и прочнее пехоты, но все равно в достаточной степени уязвим. Шин упомянул о них, понимая, что их вряд ли отправят на это поле боя.

— Только вот... — слегка вздохнул он. — Если помощь отступлению экспедиционным силам стоит на первом месте, то на втором... содействие выводу всех жителей Республики... Вот здесь уже могут быть серьезные проблемы.

Сославшись на отсутствие оборонительных сооружений и нехватку военной силы для защиты своих территорий, новое правительство Республики обратилось к Союзу с просьбой принять всех эвакуирующихся жителей страны. Союз согласился из гуманитарных соображений.

Транспортная операция будет беспрецедентных масштабов с использованием высокоскоростной железной дороги после вывода экспедиционных сил. На железнодорожном пути им придется положиться на грузовые поезда, которые должны будут круглосуточно ездить туда обратно множество раз, чтобы доставить в место назначения всех беженцев Республики.

Пусть из-за прошлогоднего крупномасштабного наступления население Республики сократилось до менее одной десятой части, в стране оставалось еще несколько миллионов человек. Это слишком много, даже если экспедиционные силы откажутся от всего, кроме самого необходимого, и освободят большую часть занимаемого ими места в поезде.

— Думаешь, это вообще возможно?

— Мы сможем удерживать оборонительный рубеж в лучшем случае семьдесят два часа. Если все пройдет гладко и согласно плану — распределение в поезде, порядок отправки, а также предположим достаточно быстрые посадку и высадку, — справимся, пусть и едва-едва. Но если возникнут неожиданные проблемы, за семьдесят два часа управиться уже будет сложно. Плюс, придется иметь дело с нетренированными гражданскими, которым нужно пройти весь процесс без подготовки. И еще мне кажется, часть в любом случае воспротивится эвакуации.

— Да уж, там всякие странности поговаривают... — кивнула Лена, уставившись в никуда.

Народ заверял, будто эта война — заговор военных Республики или ее правительства, или что за ней стоит Союз или Объединенное королевство.

Во время первого крупномасштабного наступления были и совершенно нелепые теории: якобы это заговор рептилоидов, которые из-за кулис управляют другими странами и Легионом. То, что люди воспевали теории, точно проповеди, вреда в себе не несло, но Лену переполняла своего рода усталость, когда слышала такое задним числом.

Причем тут рептилии?

— Но опять же, наладить процесс — работа правительства Республики, а не ударной группы. Наша миссия, так или иначе, заключается в удержании маршрута, отступление Республики влиять на это не должно. Если только не найдется придурок, что спрыгнет с поезда.

Разумеется, прыгать с поезда, движущегося на высокой скорости в триста километров в час, было той еще глупостью, весьма редкой даже для самых тупых людей. Так Шин попытался пошутить.

Пока Лена задавалась вопросом, уместно ли будет посмеяться, Шин отстраненно продолжил:

— Тем не менее все остальные проблемы мы решаем по ходу помощи в отступлении сил Союза.

А не поспевающие уже не наша забота.

Но Шин осознал свою оплошность лишь когда полностью договорил.

— ...Прости. Я не должен был такое говорить тебе, Лена.

Его Республика ничуть не заботила, но для Лены это была родина. Не эти слова ей нужно слышать сейчас, когда страна балансирует на грани уничтожения. Лена, однако, вымученно улыбнулась и качнула головой.

— Все нормально. Я приготовилась к такому исходу давным-давно.

Лена воспринимала Республику как свою родину, в которой родилась и выросла. Она не хотела смотреть, как страна гибнет. Ассоциация себя с Республикой — часть ее личности, и исчезновение нации с лица земли означало потерять эту часть себя. И все же...

— На самом деле Республика падет уже не в первый раз.

На краю гибели страна находилась с давних пор.

Когда Лена стала Куратором отряда Остриё копья, Шин, с кем на тот момент еще не было встречи лицом к лицу, рассказал ей о приближающемся крупномасштабном наступлении. Ее родина закрыла глаза на реальность и изолировала себя в сладкой поверхностной мечте, отказавшись от самозащиты. Впрочем, Республика с самого начала не прилагала никаких для этого усилий.

Никто не отозвался даже когда она предупредила о грядущем бедствии. Страна вцепилась в самообман, решив, будто можно и дальше вынуждать других сражаться, вплоть до того момента, когда война сама собой закончится.

И эта вера привела к разрушению страны.

В ночь прошлогоднего крупномасштабного наступления Морфо снес Гран-Мюр, а механические призраки в мгновение ока разграбили восемьдесят пять секторов, некогда преподносимые как последний рай для человечества.

В то время Лена не верила, что придет помощь. Некая часть ее сердца уже подготовилась и смирилась с тем фактом, что их всех просто выкосят.

И при этом она не чувствовала себя виноватой.

То же самое и сейчас. Несмотря на крупномасштабное наступление, неожиданную руку помощи протянул Союз. «Восемьдесят шесть» покинули восемьдесят шестой сектор, и перед глазами жителей развернулась реальность: бороться нужно им самим.

И если Республика все равно откажется сражаться, пусть сгинут. Как бы Лене ни было печально признавать такой конец для родины, но это будет вполне закономерный исход. Она решила сражаться до самого конца и оставить родину, потому что выбрала жизнь, за которую ей не будет стыдно. Выбрала новое поле боя. Выбрала ударную группу.

И уходя, она была готова к такому завершению — ее родина, отказывающаяся идти дальше, сгинет за свою настойчивость. Она мысленно повторяла себе раз за разом, что здесь не будет ее вины.

Ценности были закреплены в выпреним названии столицы, Либерте-эт-Эгалите: свобода и равенство. В рамках свободы они выбрали не защищать себя, и ответственность за результат лежит только на них. Жители Республики гордились равенством, а значит, каждый был сам себе хозяин.

Ей грустно видеть, как страна катится в пропасть, но вместе с тем она понимала, как тщеславно думать, будто вина за не спасение лежит исключительно на ней. Этот крест нести не ей.

— Кроме того, прямо сейчас нам некогда это обсуждать, — сказала она.

— ...Ты права, — еле заметно улыбнулся Шин. — Давай пока оставим все наши сомнения. Мы оба.

— Ага.

Несмотря на гонения со стороны Республики, Шин и «восемьдесят шесть» спасут страну. Если Лена в чем-то и винила себя или возникали какие-то сомнения, на них не было ни времени, ни повода. Неуверенность лишь оскорбит Шина и «восемьдесят шесть».

— Хотя с учетом всего сказанного я хотел бы, чтобы ты на предстоящей миссии осталась на базе... здесь, в Союзе.

— Я ведь разозлюсь на тебя, Шин, — нахмурилась Лена.

— Знал, что ты так скажешь, но... Лена, ты офицер Республики.

Шин сказал нечто совершенно очевидное. Лена уставилась на него круглыми глазами. Что он подразумевал?

— Эвакуация всех жителей Республики будет, и я сейчас абсолютно искренен, очень и очень сложной. А ведь они еще даже не пришли к единому мнению, эвакуироваться им или нет. Просто... подумай, как ситуация может измениться прямо во время операции. Например, они решат залечь на дно и настаивать, что останутся в Республике. Представь, если сделать это прикажут солдаты Республики.

Что, если эвакуация прервется на раннем этапе, и в результате все жители останутся? Что, если патриоты или националисты, которые будут не в восторге от помощи иностранных сил — Отбеливатели, например, — попытаются воспользоваться хаосом, узурпируют политическую власть и прикажут оказать сопротивление из разряда «сделай или умри»?

— Приказ, каким бы он ни был, все равно будет считаться официальным военным. А ты, Лена, будучи республиканским солдатом, должна подчиниться. Но если останешься в Союзе, и, если это все-таки произойдет, в самых худших обстоятельствах сможешь сказать, что ни о каком приказе не слышала. Однако...

В самой Республике так сказать не выйдет.

Она может и не подчиняться, но на ее карьеру отказ ляжет фатальным пятном за нарушение субординации и дезертирство под огнем противника. Причем последнее преступление настолько серьезное, что является обоснованием для казни дезертира на месте.

Если до этого дойдет, Лена уже никогда не сможет вернуться в Республику.

Но в ответ она наградила Шина вымученной улыбкой, как если бы вразумляла впавшего в истерику младшего брата.

— Шин, ты ведь знаешь, какие они. Какая Республика, какие ее жители, военные.

Они заперли себя на десять лет, оставив национальную оборону на «восемьдесят шесть».

— Даже после всего случившегося у них все еще нет желания сражаться. Поэтому Отбеливатели действительно могут им приказывать. А мы можем, если хочешь, сделать ставку на то, что военные побегут со всех ног при первой же возможности — от самых рядовых солдат до вышестоящих офицеров.

«Поэтому со мной все будет в порядке».

Военные Республики ни за что на свете не отдадут приказ противостоять до победного конца или залечь на дно.

Шин какое-то время не отвечал.

— ...С последней частью соглашусь, но... — сказал он все еще где-то недовольно. — Но что касается остальных моментов, нам нужно подготовиться к худшему... Я хочу, чтобы во время операции ты оставалась в отряде, отвечающим за удержание маршрута, и вне сферы влияния Республики. Нельзя дать им узнать, что ты рядом.

«Я не позволю забрать тебя у меня».

Ощувив собственнические чувства своего парня... или, скорее, его чрезмерное беспокойство, Лена хихикнула. В любом случае ее бронированная командная машина, Фрейя, слишком неповоротливая для этой операции, поэтому Республика не узнает о ее присутствии, если только она сама не даст о себе знать.

— ...Ладно. Здесь я с тобой соглашусь.

У нее сложилось такое впечатление, что, если бы не пошла на компромисс, парень продолжал бы дуться до самого конца.

□

— Как вы понимаете, нам придется остаться на базе. Если будет какая работенка, передайте ее в наши руки. Насчет канцелярских дел можете просто связываться напрямую.

Услышав эти слова от принца соседней страны, Грета благодарно склонила голову. Для него, и в целом для Объединенного королевства, Республика — лишь крошечная фракция, недостойная их внимания. В таком случае принц-змея беспокоился за Шина, Лену и детей-солдат из ударной группы. За это Грета была безмерно благодарна.

— Мы очень ценим проявленное внимание, Ваше Высочество.

— Не стоит. В обмен, так сказать, я бы хотел получить от вас разрешение использовать тренировочную площадку в ваше отсутствие. И, если возможно, одолжите также Эгиду.

Грета посмотрела на Оливье, тот — на Вика. Когда она также уставилась на него, принц в ответ на направленные на него взгляды пожал плечами.

— Раз мы не можем рассчитывать на поставки Объединенного королевства, мне нужно изучить боевые способности нынешних Сиринов. Если степень мастерства останется как есть, долго в битве — а она практически наверняка будет — они не протянут. Практика против оппонента, точно также специализирующегося на высокоскоростном бою, станет большой помощью.

— Понятно. Тогда принято... — Тут Оливье повел бровью в шутливой манере. — Так что, пора платить по долгам, Ваше Высочество?

— Да, пора. Недешево вышло, правда? — отшутился в ответ Вик.

— Ну вот, теперь я ревную, — сказала Грета, переняв их веселый настрой. — Если бы не текущая ситуация, я бы попросила и меня потренировать.

Оливье и Вик разом умолкли. Перед ними находилась женщина — полковник, командующий офицер... а после всего сказанного и сделанного, командир бригады.

Вик, командир целого военного фронта, тоже так поступал, но его отцом был король Объединенного королевства, в основе которого стоит милитаризм. Таков его долг, стоять на передовой. Но что бы не член королевской семьи, не из числа бывших дворян... да еще и полковник в Союзе?

— Полковник Вензель, позвольте уточнить один момент, чтобы наверняка... Вы правда собираетесь в этой операции пилотировать Регинлейв?

□

— Наверное, излишне это говорить, но ты, Фредерика, ни при каких обстоятельствах не можешь участвовать в операции, — сказала Крена с суровым выражением лица. Ее руки покоились на поясе.

— Я предупрежу Файда, чтобы в этот раз не давал возможность пробраться внутрь. Ты останешься здесь и будешь присматривать за домом. Тебе все ясно, Фредерика-чан? — Анжу обошла только сложенными руками на груди и улыбкой, но каким-то образом вышло страшнее предостережения Крены.

Как-никак, Фредерика в прошлом умудрилась затесаться на смертельную операцию. Девочка угрюмо надулась. Файд, прячущийся позади нее, заметно задрожал и издал нервное: «Пи...». Даже Крена поняла, что это была попытка сказать: «Разумеется, не позволю!». А дрожь — скорее всего, его версия человеческого нервного кивка.

— Лучше тебе запомнить, Файд! — Крена указательным пальцем пригрозила ему. — Если не послушаешь, придется просить Шина поругаться с тобой. Хотя нет. Ослушаешься, и больше не возьмем тебя на другие наши операции!

— Пи?!.

В этот раз падальщик замотался из стороны в сторону.

Удовлетворившись, Анжу и Крена кивнули.

— Я не...

— Разумеется, так надо, в том числе, из-за опасности самого сражения, но... Фредерика, тебе еще предстоит сыграть свою роль, — произнесла Крена.

Девочка взглянула на Крену, которая вернула кивок. Ее роль. Роль Фредерики заключалась в том, чтобы отключить Легион, будучи императрицей Августой. Всего несколько дней назад за контрнаступательной операцией Оверлорд стояла тайна и важная цель, которая также являлась самым великим желанием Фредерики, пятерки и, несомненно, всего человечества — закончить войну.

Коротко высказавшись, Крена дала понять, что еще не сдалась.

— Крена... — пробормотала Фредерика.

— Поэтому пойти с нами ты не можешь. Тебя ожидает другая тяжелая работа, так что в этот раз придется остаться.

— Мы все-таки хотим сходить к морю этим летом, — размышляла вслух Анжу. — Я даже не прочь искупаться.

Год назад, когда шла операция по покорению Морфо, Фредерика последовала за ними в бой несмотря на опасность. Но теперь они понимали, что она поступила так за неимением иного выбора. В то время Шин блуждал в поисках смерти. Остальные, вероятно, тоже, просто на более подсознательном уровне. Они толком не рассматривали концепцию будущего, будущего вне поля боя.

Фредерика переживала за них. И было вполне логично, что солдаты Союза, с семьями, к которым можно вернуться, и будущим, к которому можно стремиться, боялись их. Недоверие было совершенно естественным.

Но теперь они могли сказать: «Мы изменились».

— Нам не нужен заложник, чтобы обязательно вернуться. Мы сами вернемся, по собственной воле.

— Поэтому, Фредерика, пригляди за домом. Чтобы когда мы вернулись, ты поприветствовала нас и похвалила за проделанную работу.

□

Лена была дочерью дома Миризе, уважаемой бывшей дворянской семьи, и единственной в нем

выжившей. А еще элитным полковником в Союзе от имени Республики и почетным офицером.

Другими словами, именно к ней в первую очередь обратятся бывшие дворяне и выдающиеся представители Республики по поводу эвакуации в Союз.

Они просили ее воспользоваться связями в армии Союза и правительстве Республики, чтобы приоритет эвакуации отдали не только им и их семьям, но и производным семьям и друзьям. Или подготовить особый вид транспорта для домашних активов. Или устроить посадку таким образом, чтобы какая-то семья прошла перед другой, потому что иначе честь первой семьи не потерпит такого удара. Или вступить в контакт с бывшими имперскими семьями, с которыми у них когда-то были налажены связи.

«Вы, конечно, примете это во внимание? Очень вас прошу, сделайте то, это, а еще вон то и то».

Она получала постоянный поток похожих друг на друга просьб как от людей из знакомых семей, так и от тех, кого даже в глаза ни разу не видела. И забрасывали ее прямо перед операцией, из-за чего она не могла найти время на составление плана.

Все эти прошения были до бодрящего эгоистичны. И все поступали от великосветских людей, большинство из которых считались влиятельными фигурами в Республике. Их важность настолько высока, что игнорирование могло обострить будущие связи между Республикой и Союзом. И после девяти лет прерванной коммуникации Союз не знал, кто сейчас важен и требовал особого «рассмотрения». Решать же приходилось Лене.

Ко всему прочему, военные Союза попросили указать группы и влиятельных персон, кого не следует помещать рядом при приеме беженцев, а это только добавило ей нагрузки и бумажной работы.

Когда Вик заметил бредущую по коридору Лену, заметно измученную из-за недосыпа, он окликнул ее:

— Ты в порядке, Миризе? Хочешь, дам тебе препарат посильней рецептурного?

— А у тебя есть?! — Лена повернулась к нему с глазами, радостно сверкающими от волнения.

— Я пошутил... — глубоко вздохнул Вик. — По виду и не скажешь, что дела настолько плохи.

Препараты для временного облегчения усталости иногда давались солдатам в случаях, когда предстояло сражаться много часов подряд. Однако для того рода мощных лекарств требовалось получить рецепт от военного доктора. При этом любой препарат с воздействием посильней определенно не следовало принимать с восторгом. Лена в обычных обстоятельствах прекрасно бы это понимала.

— Если твоя заторможенность не позволила даже это понять, страшно подумать, какая будет эффективность работы. Сходи, отдохни.

Тут-то высунулся Фипи, решив воспользоваться моментом. Вик подобрал его и всунул в руки Лены, чтобы тот послужил горячим камнем. Затем втолкнул Лену в ее комнату. Внутри уже ждала помощница, младший лейтенант Першман, она проводила Лену до кровати. Потом Вик услышал щелчок от закрытия двери в спальню.

— Я предполагала, что она может утомиться, но, кажется, все намного хуже, — прокомментировала стоящая позади него Лерче.

— Понятно, почему выкроить свободное время невозможно, но неужели обязательно ей надо разбираться со всеми вопросами Республики?.. Раз Союз не в состоянии выделить ей хоть толику внимания, значит придется сделать это за них.

Полк Вика и подразделение подготовки Оливье не примет участие в предстоящей операции, а значит, в распоряжении у них было время на решение различных вопросов. Зайша и Оливье занялись ментальным здоровьем солдат, и нынешняя ситуация по их странам станет известна в ходе операции.

Лена и «восемьдесят шесть», однако, участвовали в ней непосредственно, поэтому временем не располагали.

— Сейчас она кажется более-менее отстраненной, но лучше не нагружать ее дополнительной работой. Нужно поддерживать занятость таким образом, чтобы сохранялась и рассеянность, и возможность отдохнуть.

— Республика, можно сказать, в самом неестественном положении. Они не подверглись атаке спутниками, Легион тоже едва дал о себе знать на их территориях. Словно намеренно воздерживаются от полного уничтожения страны.

— Есть такое. За этим должна быть какая-то причина. Ноузен и Миризе однозначно это понимают, — устало вздохнул Вик.

Союз определенно не может позволить себе передохнуть. Они оставили спасение умирающей Республики детям-солдатам «восемьдесят шесть» и Лене, даже не дали им возможности собраться с мыслями.

А потому предоставить этот самый простор предстоит кому-то еще.

— Нужно обеспечить пространство для маневров, чтобы, если возникнут какие-то непредвиденные обстоятельства, мы смогли с ними разобраться.

Тем временем выжившая из семьи Пенроуз, из числа аристократических в Империи до переселения в Республику, тоже подверглась бомбардировке письмами с просьбами стать посредником между ними и бывшей имперской знатью, с которыми была знакома ее семья.

— Вот пусть что угодно просят. А родилась-то я в Республике.

Поддержка в жизни после эвакуации. Представить высшему обществу. Получить рекомендации для поступления в университеты Союза. Предложения по поводу договорных браков. Аннет пожаловалась, пока по памяти сортировала просьбы от знакомых ВИПов и незнакомых.

Если они желали представиться, выбором получше был бы Дастин, иммигрант в первом поколении и также из бывшей имперской знати (пусть даже из менее значительной семьи). Вернее, не он, а его родители.

Сам Дастин помогал Аннет. В оправдание он заявил, что в свободное время хочет отвлечься. Но, скорее всего, дело было в сочувствии к ней, кто разбирал целую гору писем.

Сейчас он организовывал электронные файлы по папкам, обозначенные как «важные» и «не важные», согласно составленному Аннет списку. Просьбы от ВИПов будут рассматривать высокопоставленные чины Союза. Письма от незначительных людей соберут на тренировочной площадке в кучу, которая делается кострищем. Да, так и поступят. И еще на этом огне пожарят зефирки и яблоки.

— Точно, зефирки и печеные яблоки... Давай как закончим, сходим куда-нибудь за ними... И за желудями. Они трескаются так забавно...

Республика на протяжении многих лет была страной, основанной на сельском хозяйстве и животноводстве, поэтому желуды традиционно использовались в качестве корма для свиней.

Дастин ехидно улыбнулся, пока наблюдал за хихикающей, как ведьма, Аннет, ссутулившейся от усталости, и с запавшими глазами.

— Ага, давай. Если добавим еще те бесполезные письма Лене, кострище должен получиться что надо.

— Вот именно, да, еще же Лене... Чего эти придурки шлют свои глупые петиции единственному командующему офицеру ударной группы из Республики?.. Просто сожгите их... Попросите, не знаю, Шина отрубить им головы лопатой...

Осознав, что под «сожгите их» она подразумевала отправителей, а не письма, Дастин вздрогнул.

— Ну... Если попросить Шина, он, по идее, сможет разобраться со всеми этими просьбами, — сказал Дастин. — Я имею в виду, его отец был старшим сыном дома Ноузендов, а дедушка, маркиз, вообще еще жив.

Не то чтобы они в самом деле хотели давать ему разбираться с письмами, но, как ни странно, правда такова, что Шин лучше всех в отряде подходил для решения данных вопросов, а не Лена или Аннет.

— Нет, ни в жизнь такому не бывать, — произнесла Аннет, посмотрев на Дастина с сомнительным выражением лица.

— А, ну да. Письма ведь посылают важные шишки из Республики. Те, даже если дела совсем плохи, ни за что не попросят «восемьдесят шесть» о помощи.

— Я не об этом. Посмотри на ситуацию глазами Маркиза Ноузена: Республика подвергла гонениям его сына и внука. Он никогда им не поможет. Иначе это посрамит его достоинство и семейное имя.

— О...

Видимо, по этой причине необходимо еще аккуратно подобрать офицеров Союза, которые будут отвечать за прием. Союз должен убедиться, что среди их родственников, друзей или групп и организаций, где они состоят, нет «восемьдесят шесть».

«Социальная жизнь, связи и честь высшего общества — странные, конечно, вещи», — горько пробормотала про себя Аннет. Затем она, нахмурившись, вспомнила одного высокопоставленного офицера Союза, с кем несколько раз говорила. Прямо сейчас у него наверняка нет времени на это, но человек вроде него больше всех подходил для такой раздражающей работы.

— А-а-а, как бы пригодился начальник штаба в такой момент.

□

Не только Лене было чем заняться. Задача по составлению плана операции легла на остальных трех тактических командиров и Грету. Шин, как один из командующих операциями, также консультировал их своим мнением.

— К слову, они выслали предписание вернуть полковника. Мы порвали его, — равнодушно сообщила Грета.

— Думаете, это от фракции, которая вознамерилась сопротивляться? — нахмурился Шин.

Существование такой фракции станет препятствием для эвакуации, и что важнее, нужно будет усилить охрану Лены. Ее личная гвардия, отряд Брисингамен, реорганизовали, но, возможно, понадобится собрать еще один на случай, если ситуация ухудшится. Наверное, лучше пусть отряд Остриё копья разбирается с этим...

— Нет. Они попросили, чтобы полковник Миризе возглавила эвакуацию всех жителей.

— Вряд ли найдется хорошая причина звать полковника обратно, ведь она уже состоит в ударной группе... — пожал плечами Шин.

Вернее, военные Республики хотя бы эту часть должны сделать сами.

— Ну, это трудная работа, поэтому за нее никто не хочет браться. И, скорее всего, они напортачат, если все-таки возьмутся. А провал недопустим, тем более он станет большим пятном в послужном списке. Полковник же официально покинула страну и находится в стороне от деятельности нынешнего правительства. Звание национального героя, вероятно, для них как бельмо на глазу.

Грета холодным взглядом обвела полученный отчет, прежде чем продолжить:

— Честно говоря, план эвакуации Республики похож на скверный розыгрыш. Полная белиберда. Хотя Союзу только на руку.

«Хочешь взглянуть?», — предложила Грета Шину описание плана, постучав красиво крашенными ногтями.

□

И да, план действительно был ужасен.

— Мне это сперва показалось розыгрышем, так нет же, взаправду...

Грета дала Шину отсканированный план эвакуации Республики, чтобы тот смог показать его Лене и остальным членам отрядов, со словами, что они так или иначе услышат о нем на инструктаже. Парни и девушки из ударной группы сидели друг напротив друга за одним длинным столом в столовой. Присутствовали командиры взводов «Остриё копья»: Шин, Райден, Анжу, Крена, Клод и Тору. Также с ними была качающаяся из стороны в стороны от усталости Лена. Все они уставились на голографический экран с планом.

В Союзе именно на обед подавали самое большое количество блюд, чем в другое время, поэтому за разговором каждый разгружал свои наполненные тарелками подносы. Кроме Лены. Недосып повлиял на ее аппетит, поэтому она обошлась только сэндвичем и супом. Сейчас ее руки сжимали проекционное устройство, заметно дрожа от гнева.

— В первый день будут эвакуированы государственные служащие и ВИПы из первого округа, затем военные генералы... и полевые офицеры, обер-офицеры, потом унтер-офицеры и солдаты. И только потом, в ночь первого дня, они начнут эвакуацию жителей?! Как можно было прийти к такому бесстыдному плану?!

Крена, напротив, заговорила тоном, словно ничего из этого не имело к ней отношения:

— Если все важные люди в армии уйдут в первый день, кто тогда возьмет командование эвакуацией? А обороной Республики?

— Жителей в ожидании эвакуации соберут на вокзале в восемьдесят третьем секторе. Решили, что Союз займется их защитой, — ответил Шин, получивший разъяснения Греты и просмотревший описание по пути в столовую. — На Джаггернаутов в бою нельзя положиться, поэтому они не могут поручить военным Республики разбираться с этим.

Республиканские Джаггернауты весьма полезны как буксировочное оборудование — хоть сами по себе они были слабыми и хрупкими, чтобы выполнять роль бронетанкового оружия, лошадиных сил хватало для передвижения с тяжелой 57-мм пушкой, — поэтому они выдвинутся вместе с транспортными грузовиками.

— Но кто будет руководить эвакуацией? Не говорите мне, что эту задачу тоже на нас скинут? — спросил Тору с сэндвичем в руке.

— Мы не можем просто оставить их и убежать? — Клод прищурил глаза лунного цвета за очками.

— Не, Республика и займется этим, — сказала Райден, попивая из кружки заменитель кофе.

— Согласно плану, похоже, администрация Республики возьмется за дело, — произнесла Анжу, сбоку глянув на устройство в руках Лены. — Но за посадку и высадку отвечает уже военная полиция, потому что поезд-то Союза... А вот люди явно не обрадуются, когда узнают про приоритет эвакуации. Интересно, придумают ли что-нибудь, что не даст вспыхнуть беспорядкам?

— Эти приоритеты составлены до очевидного однобоко... — Казалось, Лена слушала разговор, но ничего подобного. Она с такой силой стиснула устройство, что тот начал поскрипывать, и вперила взгляд, полный ненависти, в план операции. — Первыми пойдут проживающие в первом секторе и далее, а последними — из последнего сектора... Про приоритет Селен я уже думала, что так будет, но ведь порядок составляется даже на основе принадлежности к Адуляриям или Алебастрам!.. Да что у них в головах творится?!

Лена вскочила на ноги и сорвалась на крик, чтобы выразить все свое возмущение, но затем опустилась обратно, как если бы окончательно лишилась сил. Будучи на взводе, и учитывая недосып, она сделалась безжизненной.

Когда Шин взял ее за руку и повел к выходу из столовой, Крена и Тору, проводив их взглядом, прошептали.

— Что не так?

— Чего Лена так взъелась?

На вопросы ответил Райден, который до своих двенадцати укрывался в Республике и знал, как обстояли дела в стране во время войны с Легионом:

— Она о том, что богатые идут первыми, бедные — последними. Селены представлены бывшей знатью, поэтому им отдали приоритет... Но вот в чем разница между Адуляриями и Алебастрами, я уже не знаю.

— Не знаешь, как же так? — грубовато спросил Клод. Его глаза Адуляриев сверкнули за очками. — Ну, кто за этим стоит мне непонятно, но я думаю, что поступают так намеренно, чтобы вбить клин между первыми в очереди и последними. С «восемьдесят шесть» также обошлись.

За столом воцарилась ледяная тишина. Клод продолжил, не смотря ни на кого конкретно. За очками без диоптрий скрывался мрачный взгляд адуляриевых глаз.

— Потом Селены могут встать на сторону тех, кто оказался в конце, типа из сочувствия. Выходит, два на одного. Альба поделены на три этнические группы, и таким образом к моменту прибытия в Союз будет установлен новый баланс сил.

Республиканские Альба подразделяются на Селен, Алебастров и Адуляриев. Если две группы объединятся, оставшаяся этническая группа станет меньшинством. И потом с этим меньшинством могут поступать как угодно и без последствий.

Как в случае «восемьдесят шесть».

— Например, вынудят вступить в армию... — сказал Тору, тяжело вздохнув. — Наверное, идея состоит в этом.

Как-никак, а Союз не собирается принимать миллионы беженцев по доброте душевной. Быть может, им и удалось отступить ко второму оборонительному рубежу после начала второго крупномасштабного наступления, но не обошлось без значительных потерь. Чтобы восстановить ряды, нужны солдаты. Прямо сейчас среди трудоспособных уже оказались женщины и молодые парни. А значит нужно было найти людей не из Союза — пусть для вида, но главное не пересекать черту.

В число жителей Республики входят женщины, дети и пожилые люди, никогда не знавшие

настоящей войны. Однако все они, кроме совсем юных лиц и немощных стариков, могли как минимум держать в руках оружие.

«Восемьдесят шесть», не знавших до того случая войны, также выперли сражаться.

— Мне всегда казалось, что Республика без «восемьдесят шесть» просто сгинет, — прошептала Крена.

Шин как-то сделал предположение по поводу того, что произойдет, если «восемьдесят шесть» не станет. Предположение оказалось неверным. Республика, не пошевелив ни единым пальцем, не развалилась. Они встали на тот же путь, по которому шли до этого — только теперь бремя войны возложат либо на Алебастров, либо на Адуляриев. Наверное, низведут их до нелюдей, как низвели «восемьдесят шесть».

Когда-то они уже лишили людей гуманности. Раз сделали так однажды, значит, могут повторить.

— Теперь Альба так поступают со своими же... Пожалуй, это только доказывает, что дело не в нас. Дело вовсе не в «восемьдесят шесть».

<http://tl.rulate.ru/book/36621/2455399>